

ЧАСТЬ I

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА, ВИЗАНТИЯ И АРАБЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПАДЕНИЕ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ (IV—VI вв.)

§ 1

Падение Римской империи. Кризис рабовладельческого хозяйства. Колонат. Упадок городов, ремесла и торговли. Варваризация армии и военной техники. Революция рабов и вторжение варваров. Гибель Империи на Западе.

В III—IV вв. в состав Римской империи входили страны Европы, Азии и Африки, примыкавшие к Средиземному морю. В течение столетий они представляли не только политическое, но и известное культурное единство. Всюду господствовала рабовладельческая греко-римская культура. Учитывая географическое распространение этой единой, в своих важнейших чертах, культуры, ее называют *Средиземноморской*. Из других стран древней культуры, не считая очень отдаленных Китая, Индии и Аксума (Абиссинии), за пределами Римской империи оставалась, в качестве ее соседа, только могущественная Иранская держава Сасанидов.

Таким образом, если оставить в стороне сасанидский Иран, Империя на всем огромном протяжении своих границ соседила не с культурными организованными в государства народами, а с бесчисленными и большей частью разрозненными варварскими племенами — кельтами, германцами, славянами, сарматами (в Европе), арабами, берберами и пр. (в Азии и Африке).

Рим значительно превосходил своих соседей политической организацией, хозяйственной и военной техникой, общей культурой, и тем не менее пал под их ударами. Объясняется это вовсе не исключительной военной доблестью варваров, не силой и непреодолимостью их натиска на римские границы, а, в первую очередь, внутренним разложением самой Империи, переживавшей глубочайший экономический кризис и потрясаемой революционными движениями угнетенных масс.

Разложение Империи было неизбежным следствием рабовладельческой основы всей ее экономики. Рабский труд обеспечивал экономическое процветание античного мира до тех пор, пока завоевательные войны Рима позволяли наводнять рынок рабов непрерывным притоком военнопленных, продававшихся за бесценок. Рабовладельческое хозяйство быстро истощало свою рабочую силу беспощадной эксплуатацией и без постоянного обновления этой рабочей силы не могло существовать. С другой

стороны, труд раба, работавшего из-под палки, нередко закованным в цепи, был мало производительным и являлся экономически выгодным лишь при условии его дешевизны. Оба эти условия — дешевизна рабов и непрерывный приток их в Империю — исчезли с прекращением завоевательных войн и переходом Рима к обороне.

С этого времени (I в. н. э.) самим рабовладельцам становилось ясно, что рабский труд является непреодолимой преградой для подъема хозяйства и развития техники. Уже тогда в сельском хозяйстве обнаруживается застой. В течение последних трех—четырёх веков существования Империи ни в системах полеводства, ни в технике обработки почвы не заметно ни малейшего прогресса. То же относится и к скотоводству. Породы скота в Италии, Галлии и других частях Империи начали улучшаться только с VI в. благодаря варварам-завоевателям, приведшим с собою новые породы скота. В большой упадок приходит и горное дело. В условиях рабского труда и низкой техники добывания руд разработка горных рудников велась хищнически и они быстро истощались. Но, забрасывая старые, истощенные рудники, римляне в III—V вв. почти нигде не начинают новых разработок. К этому времени стал чувствоваться недостаток в ценных металлах для денежного обращения, имевший одной из основных причин пассивный торговый баланс Империи. Большое количество ценных металлов ежегодно вывозилось Римом в Индию и Китай в обмен на предметы роскоши для господствующего класса, и эту убыль не в состоянии была покрыть добыча золота и серебра в рудниках Империи. Отсюда «порча» монеты императорами путем примешивания к серебру меди, падение стоимости монетной единицы — серебряного денария — между I и IV вв. в 43 раза. Общее сокращение торгового оборота, вызванное упадком ремесла и разорением свободных земледельцев, обуславливало все более заметный переход и частного, и государственного хозяйства к натуральным формам обмена.

Кризис денежной системы хозяйства особенно ударил по экономике городов. В условиях натурального обмена городское ремесло и торговля не могли развиваться. Вообще в экономической жизни последних веков существования Империи не только не видно прогресса, но во всем заметен попятный ход, возвращение к примитивным формам хозяйства.

Господствующий класс крупных рабовладельцев пытался найти выход из кризиса сельского хозяйства путем введения системы колоната.

Начиная с III в. большую часть захватываемых в плен варваров размещают в качестве колоннов по всей территории Империи. Римские рабовладельцы так гонятся за рабочей силой, что стремятся обращать в колоннов целые варварские племена. Если Юлий Цезарь, завоевав Галлию в I в. до н. э., продал в Италию, как сообщают, миллион рабов, то императоры III—V вв. похваляются уже не количеством захваченных рабов, а числом выведенных ими из походов варваров-колоннов.

В последние века существования Империи положение всей массы трудящихся, занятых в сельском хозяйстве, — рабов, колоннов, мелких земледельцев, — было невыносимо тяжелым. Они страдали под гнетом двойной эксплуатации: своих господ — латифундистов, имевших право подвергать их телесным наказаниям и налагавших на них непосильные работы, и государства, которое, с помощью алчной своры своих чиновников, беспощадно выжимало из них подати и принуждало выполнять государственные повинности. Не лучшим было положение трудящихся города. Для обеспечения армии и чиновников одеждой, оружием, предметами потребления правительство рабовладельцев организует государственные склады и мастерские («императорские мануфактуры»), к которым были прикреплены рабочие и ремесленники, обязанные отдавать свой труд в принудительном порядке и лишённые свободы передвижения.

На их теле выжигались клейма, за плохое качество продукции им грозила смерть. Им строго запрещалось переходить в другую профессию, их дети были обречены тянуть ту же лямку. Свободное рабочее и ремесленное население городов было, таким образом, наследственно закрепощено, как и колонны.

На все возрастающий двойной гнет — государства и крупных землевладельцев — трудящиеся города и деревни отвечали бегством и восстаниями. Бежали куда глаза глядят: в другие провинции, в леса и даже за пределы Империи — к варварам. Не мало доведенных до отчаяния людей становилось разбойниками, пиратами. Дороги стали небезопасны, что еще более подрывало деловые связи между городами и провинциями. Но особенно опасными для господствующего класса были восстания рабов и колоннов, перераставшие кое-где в подлинную революцию.

Особенного размаха достигают революционные восстания в пограничных провинциях. Куда бы ни проникали варвары во время своих набегов и вторжений в Империю, всюду они получали поддержку местного населения; рабы, колонны перебежали на их сторону, помогали им грабить виллы, находить зарытые в землю сокровища, захватывать города. В 378 г. рабы и колонны Балканского полуострова помогли варварам разгромить войско римского императора (Валента), который и сам погиб во время битвы. В 429—439 гг. рабы и колонны провинции Африки помогли другим варварам (вандалам и аланам) овладеть этими провинциями. В 410 г. сорок тысяч рабов из различных областей Италии примкнули к вестготам, вторгшимся в эту страну, и помогли им взять и разграбить самую столицу Империи — Рим.

Армия, составленная из римских граждан, т. е. из тех же колоннов и городских низов, для защиты власти рабовладельцев и крупных землевладельцев явно не годилась. Ненадежность армии заставляла императоров все шире прибегать к найму варваров на военную службу. Эти наемники, чуждые по языку, происхождению и обычаям местному населению, должны были оказаться более надежным орудием в руках правящего класса для борьбы с революционным движением. В результате происходит варваризация армии. К концу IV в. основные ее части состояли из наемников-варваров. Из варваров же стал пополняться и командный состав, вплоть до главнокомандующих (магистры войска). Рабовладельцы, занимавшие прежде все командные посты в армии, вынуждены были отстраниться совсем от военной службы, так как наемники подчинялись им очень неохотно. Верность наемников обеспечивалась только высоким жалованьем и наградами, которые они получали от императоров. Последние, начиная с Феодосия (конец IV в.), подкупают вождей варваров не только деньгами, но и титулами, назначают их не только на высшие военные, но и на высшие гражданские посты.

Наемная варварская армия обходилась Империи чрезвычайно дорого. Для ее содержания приходилось увеличивать налоги и буквально грабить всю страну. Экономить старались на численности армии. По отношению к размерам Империи и протяженности границ она была очень невелика — двести—триста тысяч, редко более. Со времен императора Диоклетиана (конец III в.) худшие ее части были оставлены на границах; наиболее надежные и боеспособные войска были размещены внутри страны и предназначались для подавления революционных движений. Таким образом, варвары, вторгаясь в пределы Империи, не встречали большею частью достаточно сильного сопротивления. Необходимо еще учесть, что прежние победы римских легионов были обусловлены их более высокой дисциплиной, чем у варваров, и превосходством их тактики. Разница в военной технике и раньше была невелика, так как и римляне и варвары сражались холод-

Колоны приносят владельцу виллы оброк. III в.

свевы, франки, аламанны и другие варварские племена со всех сторон вторгаются в римские провинции, грабят и разоряют города и виллы римских богачей, захватывают земли для поселений и создают на захваченных территориях свои варварские королевства. К концу V в. Римская империя на Западе прекратила свое существование. Вместе с нею отошел в прошлое и рабовладельческий строй. В варварских государствах, ставших на ее место, возникают новые порядки, начинается новая жизнь, новое развитие, которое через три столетия привело к установлению господства феодальных отношений.

§ 2

Город и деревня позднеимперской эпохи. Римский аристократ этого периода, его вилла, его окружение, занятия, отдых и развлечения. Утварь и одежда. Варваризация быта.

В период расцвета Империи центрами рабовладельческой культуры были города. Не только в таких крупных городах, как Рим, Константинополь, Александрия, Антиохия, где насчитывались сотни тысяч жителей, но и в самых маленьких провинциальных городах имелись великолепные дома местных богачей, храмы, бани, театры. Собственники поместий, крупные землевладельцы, проживали большую часть года в городах, потребляя здесь доходы своих имений. С углублением экономического кризиса и последовавшим за этим упадком городов городская жизнь утратила для римских аристократов свою привлекательность. С IV в. города, чтобы обезопасить себя от нападений варваров, начинают обносить стенами. Это повело к большой тесноте и ухудшению санитарных условий. На ночь скот стали загонять внутрь городских стен. Улицы, и без того узкие, сделались почти непроходимыми. Поэт-аристократ IV в. Авзоний мрачными красками рисует городскую жизнь. «С отвращением смотрим мы на толпы народа, на загрязненные сором перекрестки, на кишмя кишущие людьми узкие улицы и теряющие свое название от собравшейся черни площади. Слышится бурное эхо сливающихся голосов «Держи, неси, веди, берегись!» Бежит грязная свинья, дико несется собака, быки тащат тяжелую повозку. Не спастись внутри дома и в закрытых местах: крики проникают через стены. Это-то и все, что может оскорбить нежное чувство, принуждают оставить городские стены и искать сладкого покоя далекой деревни».

Развлечения, предлагаемые городом, — театр, цирк, бега — еще сохраняли некоторое время свою притягательную силу. Ради этого аристократ еще приезжает на время в город. Священник Сальвиан обвиняет своих современников в том, что они презирают божественную службу в храмах и бегут в театр. Но варварские грабежи и обеднение городов привели в V в. к упадку театральных и цирковых зрелищ. Самые здания театров и цирков разрушаются. Утрачивают свое значение и обширные термы, которые у древних играли роль клубов. «Хорошее общество» покидает город. Поселясь в своей вилле, аристократ перевозит туда не толь-